

Ужасный и прекрасный?

Разговор с художественным руководителем театра-студии *Enfant-Terrible* Дмитрием Аксёновым

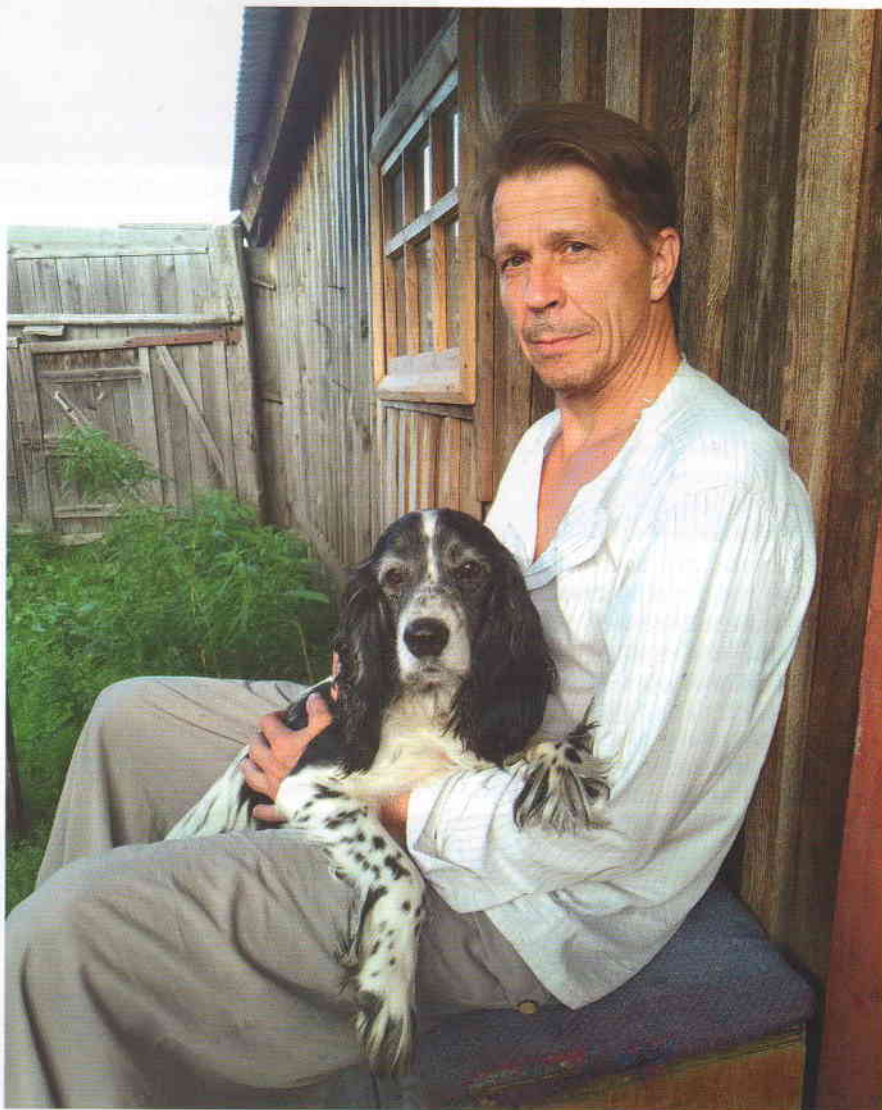
– На вашем сайте в разделе «Учитель» – фото Бориса Александрова и его слова: «Любовь даёт нам крылья, поднимает над обыденностью, удерживает от ошибок». А в зале театра-студии – большой, очень старый портрет Бориса Владимировича. Почему он?

– Потому что он ориентир – нравственный, профессиональный, человеческий. Моя жена Татьяна Леонова училась у него, и когда мы приехали в Ульяновск, то пошли к нему. Позже мне посчастливилось с ним работать. А портрет... Я нашёл его случайно, когда Бориса Владимировича с нами уже не было. Искал помещение для театра, бродил среди старых, бесхозных купеческих лабазов на улице Спуск Халтурина и там меж стен бывшей конюшни увидел портрет Мастера, возвышавшийся над «культурным слоем» брошенного и позабытого житейского скарба. Среди мусора и хлама. Вот такое провидение...

– Какими качествами должен обладать режиссёр-мастер?

– Театр включает пространство слова, музыки, архитектуры. Литература в театре первична. Обязателен слух, тонкий музыкальный слух – ухо, настроенное на нужную волну. Нужно знание психологии, а психология – часть биологии, где имеют место химические процессы, так что надо иметь внятное представление о физике и химии.

Режиссёр должен понимать или хотя бы тонко чувствовать глобальные вопросы, происходящие в мире, чтобы создавать действия, которые близки времени. Если театр не созвучен современному миру, он перестает воздействовать, он Чужой. От эмоционального, подсознательного зритель приходит к обдумыванию и, возможно, к осознанию важных процессов. Если спектакль пронзителен, зритель начинает думать!

– Наличие боли обязательно?
– А как же без боли!
– Вы художник-постановщик. Когда родилась мечта о режиссуре?

– Я учился на художника, а мечта была работать в театре. В качестве кого – я не думал. Хотелось добиться такого положения, чтобы мне было позволено ставить спектакли. Навыки работы с пространством очень

помогают. Нужно понимать архитектуру даже пустого пространства. Опыт работы сценографом – огромное подспорье, когда ты становишься ответственным за конечный продукт.

А вообще результат зависит от того, какую настройку ты получил в детстве. Личность – это своеобразный музыкальный инструмент в руках Отца нашего. Ты скрипка, а мир –

это смычок. Есть такой эпитет: душевные струны. Ты начинаешь звучать, если ты настроен. И звучишь определённым образом.

– Поэтому так важно иметь музыкальный слух?

– А как же! Мой папа был инженером и при этом очень любил музыку, был меломаном. Как-то раз он купил грампластинку с цыганскими романсами. Он её поставил, стали слушать. Мне ещё не было пяти лет, но я помню этот момент: во время исполнения какого-то романса мне стало так грустно, что я заплакал. Родители улыбались, я не знал почему. И только недавно понял, что отец был счастлив в тот момент.

Да, я люблю и литературу, и музыку. Мне посчастливилось участвовать в филармоническом проекте с главным дирижёром оркестра Ильей Дербилковым, когда исполнялась музыкально-литературная композиция по повести А.С. Пушкина «Метель». Симфонический оркестр исполнял гениальную музыку Георгия Свиридова, а мне повезло читать текст повести. Какой это был подарок судьбы! Великое счастье. Читал и наслаждался тем, как движется оркестр, как душа каждого оркестранта поёт в унисон с инструментом.

– **Enfant-Terrible отличается высоким литературным вкусом. Как происходит отбор материала?**

– Когда ты сталкиваешься с каким-то литературным материалом, проверяешь себя, созвучен ли он с твоим состоянием. Надо чтобы при прочтении возникал некий симфонизм.

В 2018 году театр **Enfant-Terrible** стал лауреатом всероссийской национальной премии за доброту в искусстве «На благо Мира».

В молодости нашего театра мы стояли на том, что должны быть доказательны, и начали работать с материалом, который раньше где-то был отвергнут. Хотелось завершить начатое ранее, в других театрах. Например, эскизы для спектакля «Пинежский Пушкин» я нарисовал в 1999 году, а выпустили в 2019 году.

Считаю, что главное – не себя выпячивать: вот, дескать, полюбуйте, как хорош мой пуп! Нет, главное – докопаться до идеи произведения, (по-возможности максимально приблизиться к тому, что хотел сказать нам автор. Если классик прошёл через сито времени, значит там есть вечное. Мы пытаемся познать это вечное, стать сопричастными авторской мысли.

– **Вы смело используете прозу. Сложную прозу. Андрей Платонов, Борис Шергин, Николай Лесков, Александр Куприн. Не проще ли взять готовую пьесу?**

– Проще. Всё зависит от того, какую цель преследует режиссёр. Можно даже из плохой пьесы сделать что-то хорошее, но зачем? Не вижу смысла, когда есть космическое количество литературы с созидательным зерном. Суть – в стремлении, в целеполагании: что ты хочешь сказать, чему хочешь быть созвучен. В «Леди Макбет» было много работы: сначала переводили в диалоговую форму, потом начался поиск ритмических структур. С «Гранатовым браслетом» тот же опыт. Делали спектакль как экзистенциальный поединок между женской и мужской природой: как они сражаются, перевоплощаясь в разные ипостаси. Это вечный диалог мужчины и женщины в любви, как в смертном сражении: кто в ком должен раствориться и умереть.

– **Многие режиссёры любят оригинальничать, а зритель не ценит, не воспринимает. А ваши спектакли – сложные, заставляющие думать – привлекают людей самых разных возрастов и социальных групп. В чём секрет?**

– Сейчас пошла мода нахлобучивать какие-то фантики на литературный материал: мол, я вытаскиваю для вас, дураков, нечто, чего вы не видите... На деле же ничего не вытаскивается, и в этом накручивании, оригинальничании скрывается одно:

желание успеха. Это ложная цель. Театр – метод познания через творчество. Цель – докопаться до авторской идеи и стать причастным к ней, а не озадачить зрителя до невозможности.

Создатель всех нас сделал оригиналами. Наша анатомия диктует нам качество, пропорции соприкосновения с окружающим миром. Длинный нос – это не то, что короткий. Не случайно он так часто фигурирует в литературе: у Гоголя, у Ростана в «Сирано де Бержерак». Форма ушной раковины тоже о многом говорит. Скрипка поёт, рыдает... И один плачет вместе с ней радостными благодатными слезами, а другому всё нипочем. Умом-то человек может понимать, что музыка прекрасна, – ему сказали! Но душа не слышит, безмолвствует, если слух не развит. Театр может и должен помогать настроить чуткость «слуха души» на происходящее.

Гоголь пишет кажущиеся парадоксальными фразы. Когда я прочёл «Мёртвые души» не в детском возрасте, я плакал от радости. «Эх, кони, кони, что за кони! Вихри ли сидят в ваших гривах? Чуткое ли ухо горит во всякой вашей жилке?» Кажется бред? Как это ухо – горит в жилке? А речь-то идёт о высокой гармонии, о способности воспринять глагол божественный!

– Мы с вами не можем обойти вниманием творческую биографию. Как вы оказались в Ульяновске?

– В 2001 году я был приглашен в Ульяновский ТЮЗ, когда он открывался. Я сделал эскизы к спектаклю «Снегурка», но он не был выпущен,

и вообще время шло, а дело стояло. Директор Ульяновской драмы Геннадий Сауров пригласил меня в драмтеатр. Юрий Семёнович Копылов предложил работать с Борисом Александровым, который задумал ставить «Антигону». Мы выпустили спектакль в 2003 году. Это был драгоценный для меня опыт, счастливое время общения с АБВ! Там же в драматическом я подготовил сценографию спектаклей «За двумя зайцами» и «Цилиндр», а в 2004 году я ушёл из театра. В 2005 году меня пригласили в ТЮЗ главным художником. И вот усмешка судьбы: здесь же начал «Снегурку» в 2001-м, а теперь – спектакль «Снегурка» по Михаилу Бартеневу. Хороший получился спектакль. Я работал там до 2008 года. На-

чался разлад, девять человек ушли, и я в том числе. Нужно было доказать, что мы не скандалисты и можем выпустить хороший спектакль. Сделали «Трижды три» по пьесе Жака Жюе и заявили на фестиваль «Лицедей», где аккуратно в международный день театра сыграли премьеру. И жюри определило спектакль как лучший. Так что 27 марта 2008 года мы считаем днём рождения театра-студии *Enfant-Terrible*. После фестиваля Наталья Александровна Никонорова предложила нам для репетиций и спектаклей малую сцену Ульяновского драматического театра, Юрий Семёнович Копылов благословил нас на сей «подвиг». Шестеро было нас тогда – 13 сегодня. Из тех, кто начинал, – двое.

– И уже потом появился свой «дом». Как подвальное помещение воспринимают зрители?

– Новички удивляются, некоторые бывают шокированы. Но очень быстро привыкают к необычной обстановке и воспринимают театр как свой дом.

– Не тесно в маленьком пространстве? Никогда не мечтали работать на большой сцене?

– Мне часто задают этот вопрос. У меня есть опыт работы на большой сцене. Например, в Тюменском драматическом театре – там большая сцена. С этим театром сотрудничал заведующий музыкальной частью Ульяновской драмы, композитор Олег Яшин. Он порекомендовал меня

как сценографа главному режиссёру Тюменского драматического театра Алексею Ларичеву. Мы связались, я сделал наброски к спектаклю по пьесе Григория Горина «Кин IV». Сценография сложная, масштабная. Если владеешь пространственным мышлением, поставишь спектакль на любой сцене. Был опыт постановки в Ульяновском театре кукол, где мы совместными усилиями выпустили спектакль «Очень простая история». Там я выступил в роли режиссёра, сценографа и автора костюмов. По откликам зрителей, спектакль был неплох. Мне доверили прекрасных актёров, замечательные цеха. Это люди, дышащие театром, живущие им.

– Все спектакли театра-студии **Enfant-Terrible** высокого качества. Каждая встреча с вашей работой – потрясение. Между тем, другие театры отстраиваются и получают бюджетное финансирование, а ваши актёры служат за идею. Обидно и то, что маленький зрительный зал не вмещает всех желающих и попасть к вам непросто.

– Да, наши артисты живут более чем скромно, они вынуждены где-то искать сторонний заработок. Между тем за 15 лет мы выпустили 23 спектакля. Воистину «Несть пророка в Отечестве своем...» Я не хочу выступать в роли прокурора, но невольно вспомнишь Пушкина. Помните в «Евгении Онегине»?

*Зачем же так неблагоприятно
Вы отзываетесь о нём?
За то ль, что мы неугомно
Хлопочем, судим обо всём,
Что пылких душ неосторожность
Самолюбивую ничтожность
Иль оскорбляет, иль смешит,
Что ум, любя простор, теснит,
Что слишком часто разговоры
Принять мы рады за дела,
Что глупость ветрена и зла,
Что важным людям важны вздоры
И что посредственность одна
Нам по плечу и не странна?*

Что касается других ульяновских театров, я рад за них. Конечно, и нам не помешали бы субсидии. И ведь этот вопрос можно решить одним днём: учредить регулярное субсидирование, хотя бы 2–3 миллиона в год,

чтобы люди могли работать без отрыва от театра.

Гастрольная деятельность для нас очень трудна, практически невозможна. Но случаются выезды. Мы выступали в райцентрах, на предприятиях, ДК, в исправительных колониях. Кстати, заключённые – люди оступившиеся, но всё-таки люди. И они очень благодарные зрители, между прочим! Человеческая природа никуда не девалась... Заблудилась. С каким вдохновением они смотрели спектакль «Слон Хортон»! Близки им такие слова: «И сел на гнездо... И сидел, и сидел...» Некоторые плакали в финале.

В нашем зале отсутствует четвертая стена, и это накладывает на артистов особые обязательства: маленькое пространство заставляет быть более точным. Но в камерности есть свои плюсы. Камерный зал по своей степени воздействия более интенсивен и эффективен. Пространство – глаз в глаз, ты видишь каждого и чувствуешь, что с ним происходит. Зритель по-другому воспринимает происходящее. Все отмечают особое ощущение.

– **Enfant-Terrible** – переводится как «ужасный ребёнок». Театр успешен, значит и ребенок удался...

– Терпеть не могу слово «успех». Что оно означает? Ты куда-то спешил, бежал и наконец успел. Точка. Созвучно слову «успение», а значит – забвение, смерть. Нет, надо идти дальше. Мы на своём месте и делаем своё дело.

С Дмитрием Аксёновым
беседовала **Ольга Шейпак**